

Юрий Клавдиев

Анна

Персонажи в порядке появления:

ВИТЯ «МАЛЫШ», стрелок
АННА, домохозяйка
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ, представитель власти
КОЛЯН «ОДИНОЧКА», стрелок
СЕРЁГА «ЛЕВША» ВЯЗЕМСКИЙ, стрелок
ЛЕНА «ДО СВИДАНИЯ», проститутка
ТОТ-КТО-СЛУШАЕТ-СПЯЩИХ

*Деревенский дом. Горница. Большая печь. Длинный, деревянный стол. Иконы в углу. Широкая скамейка вдоль стены. На комод, под иконами – стереосистема “Fupa”, покрытая вышитым рушником. На стене, в рамке – множество фотографий, некоторые старые, пожелтевшие, некоторые сделаны «Полароидом», но тоже пожелтевшие.
За столом сидит Витя и разговаривает по сотовому телефону.*

ВИТЯ. Что?! Не слышу я тебя!.. Что?! А, пока... ладно. Ладно, говорю!
Давай...! Пока...

Витя кладёт трубку на стол. Подходит к комоду, выдвигает верхний ящик, достаёт оттуда пояс с двумя револьверами. Расстелив на столе газету, принимается смазывать оружие. Входит Анна.

АННА. Ты куда-то собрался?

ВИТЯ. (Кивает на телефон). Звонили.

АННА. И что? Когда тебя ждать?

ВИТЯ. Не знаю... вечером.

Пауза. В открытое окно запрыгивает кузнечик. Витя прицеливается в него разобранным пистолетом.

АННА. Сегодня ночью опять подождли.

ВИТЯ. Знаю.

АННА. Это поэтому звонили?

ВИТЯ. Наверно.

АННА. Что значит «наверно»? Ты что, не слышал, что сказали?

ВИТЯ. Неа. Тут такая связь, что ни фига не разобрать.

АННА. А что ты слышал? Что сказали-то?

ВИТЯ. Да фигню какую-то. Как обычно.

АННА. Вить...

ВИТЯ. Что?

АННА. Возьми меня с собой.

ВИТЯ. Чего?

АННА. Возьми меня с собой... я перевязывать научилась. Кровь могу заговаривать. Меня тот научил... который на правом конце живёт. Я все грибы наизусть знаю.

ВИТЯ. И что?

АННА. Ну, могу пригодиться.

ВИТЯ. Вряд ли.

АННА. Ну почему! Почему – «вряд ли»?

ВИТЯ. Потому, что ты даже до конца улицы не дойдёшь. Поняла?

АННА. Почему не дойду?

ВИТЯ. Потому что через два дома от нас живут самые охренительные стрелки в деревне. Ты что – забыла? Ты видела, как Андрюха в клубе на прошлой неделе на спор у того городского зеркала с машины посшибал? Со ста шагов?

АННА. Видела.

ВИТЯ. Сколько сейчас время?

АННА. Без семи семь.

ВИТЯ. Вот. А с семи у нас – что?

АННА. Время, Когда Женщина Начинает Ждать.

ВИТЯ. Вот и жди.

Витя надевает пояс, вкладывает револьверы в кобуры, широко крестится, оборотясь к иконам.

АННА. Постарайся...

ВИТЯ. Обязательно.

Витя уходит. Анна подходит к стереосистеме. Перекрестившись, включает её. Играет "НИМ". Анна беззвучно молится, закрыв глаза. Входит Председатель. Некоторое время стоит в дверях, глядя на Анну. Потом осторожно садится за стол. Анна открывает глаза. Выключает музыку.

АННА. Здравствуйте. Извините, я вас не заметила...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ничего. Здравствуй, Анна.

АННА. У вас дело, да?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как ты догадалась? Дело, точно.

АННА. Какое?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А чаем угостишь?

АННА. Конечно! Извините, что сразу не предложила...

Анна достаёт из печи большой чайник. Из старого буфета – две чашки с блюдами. Ставит на стол сахарницу с кусковым сахаром, кладёт щипцы и чайные ложки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Спасибо... как у вас с заваркой-то? Есть ещё?

АННА. Витя вчера в магазин до пяти успел. Нормально.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, успеть – это главное. Ладно. Слушай, зачем я пришёл.

Анна, мне нужна твоя помощь.

АННА. Моя?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Твоя, твоя. Не прикидывайся. Про поджоги слышала?

АННА. А кто не слышал? Вчера последний раз... на том конце, дом, где библиотека была раньше...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Может, знаешь кто?

АННА. Не знаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, это было бы слишком просто. Да?

АННА. Наверное...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А твой где?

АННА. В кабак пошёл. В карты играть. Потом, наверное, домой...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. ...если никто не вызовет. Так? А если вызовет – значит 50 \50. Либо он – либо его. Правильно?

АННА. Это порядок такой. Мужчины должны так жить. Женщины должны ждать...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Анна... а вот если бы всё можно было бы изменить – ты стала бы?

АННА. В смысле?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ну, мы же не всегда так жили. Я телевизор смотрю иногда – не везде так, как у нас.

АННА. Я тоже смотрю. Иногда. Не везде.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И что скажешь?

АННА. Скажу, что ничего не надо менять. У нас всё гораздо лучше.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ты в самом деле так считаешь?

АННА. В самом. А где лучше? Работы как нет, так и нет. Хлеб государству за копейки продавать?.. Спиваться по-тихому?.. Провода пропить, а потом лучины жечь?.. Так, что ли – лучше?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А стрелять друг в друга, как ковбои – это здорово? А когда на улицу выйти после семи вечера невозможно, чтобы не нарваться на пьяного стрелка, который тебя вызовет и ужокошит – это нормально? По-твоему, в магазине должны продаваться только порох и тушёнка, а пацаны с трёх лет должны играть только стреляными гильзами?

АННА. А вы на что? Вы – закон. Вот и сделайте так, чтобы всё было... А гильзы... ещё неизвестно, что лучше – гильзы или вообще без игрушек...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хочешь быть моим помощником?

АННА. Я? Вашим?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, ты – моим. Решай, девушка. Сейчас. Второй раз не предложу.

АННА. А что делать надо?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Для начала – слушать. Что говорят, кто говорит. И мне передавать. ОК?

АННА. Вы... вы мне это предлагаете потому, что у меня муж – стрелок? Малыш Витя, восемнадцать выигранных поединков, один из самых быстрых револьверов отсюда до Акимовки? Потому, что у него много друзей, таких же стрелков? Я вкладышем не буду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я тебе не вкладышать предлагаю. Я предлагаю для начала найти Поджигателя. Понимаешь? И то, что ты мой помощник – будет секрет. Никому. Хорошо? Даже Вите.

АННА. Я ещё не ваш помощник. Мне нужно подумать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А вот думать, Анна, нам с тобой некогда. Сегодня нашёл у себя в косяке вот эту штуку.

Председатель вынимает из папки стрелу с ярко-рыжим оперением.

АННА. Ничего себе!..

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вот так. По всему выходит, что моя очередь.

АННА. А вы у Того-Кто-Не-Хочет-Спать были?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Был. Он сказал, что мне надо попытаться сделать что-то полезное. Ну, ты же его знаешь... когда он что-то просто так говорил. Достал уже загадками своими... но не это главное. А главное, Анна, что, пока мы с

ним говорили, грохнули его.

АННА. Убили Того-Кто-Не-Хочет-Спать? Этого не может быть, Председатель! Тот-Кто-Не-Хочет-Спать – он же бессмертный.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Убили, Анна. Я это знаю, потому что видел. Скажу больше – я видел и дым от выстрела. Стреляли со стороны леса, метров с семисот, так прикинуть если... хороший выстрел. Чертовски хороший. Я бы сказал, мало кто здесь может так шарахнуть. И в Акимовке мало кто.

АННА. Вы случайно не моего Витю имеете в виду?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я имею в виду только то, что выстрел просто чертовски хороший. Вот и всё, что я имею. И ещё – Тот-Кто-Не-Хочет-Спать сказал то, что сказал. А я услышал то, что он сказал. Нужно сделать что-то полезное.

АННА. Вы хотите найти Поджигателя?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я хочу начать с Поджигателя. А потом, чем чёрт не шутит... может, удастся сделать ещё что-нибудь? Я тут подумал – я в здешних местах пятый по счёту председатель, так?

АННА. Ну...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Предыдущего убили в поединке. И того, что был до него – тоже. А до того ещё один погиб, когда акимовские пытались у нас табун увести. А того, что был до него, повесили во время бунта грабарей. Их проповедника как раз застрелил следующий председатель.

АННА. Не понимаю... это вы к чему всё?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. К тому, что без помощи мне не сделать что-то полезное. А ты умеешь слушать, Анна. И многое слышишь. Я ведь не прошу ничего, что тебе не по силам. Не прошу, чтобы ты со мной против стрелков на улицу вышла...

АННА. (*В сторону*). А может и зря, не просите-то. (*К Председателю*). А вы что – собираетесь? Против стрелков?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Если понадобится. Я же сказал – что-то полезное.

АННА. Хорошо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ты согласна?

АННА. Я же сказала. А теперь идите. Мне подумать надо. И прибраться. Муж вернётся после полуночи, как кабак закроют. Женщина должна встречать мужа порядком и накрытым столом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, Анна. И это...

АННА. Что ещё?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Спасибо тебе.

АННА. Да ладно.

Председатель уходит. Анна включает стереосистему, начинает убираться. Накрывает на стол. Некоторое время молчит, потом открывает заслонку у печи, и садится напротив неё. Закрывает глаза.

АННА. Некоторое время назад всё было по-другому. Настолько по-другому, что уже и никто не помнит это время. Есть такая примета: если надолго предоставить вещь самой себе, у этой вещи появляется характер. Появляется своё мнение. Сознание. И эта вещь уже не бывает больше та, что прежде. Когда это случилось с нами? Из-за чего? Вряд ли кто-то помнит. Тот-Кто-Слушает-Спящих, наверное, помнил. Но он мало с кем разговаривал. Говорил, что ему нечего сказать тем, кто убивает друг друга. Деревня всегда была сама по себе. А в последние годы – особенно. Нам, наверное, всегда этого хотелось. Быть совсем свободными. К нам приезжали и поселялись жить люди, имеющие мало

представления о другой жизни. Бывшие зеки, пэтэушники, неудачники, сдвинутые мечтатели, романтики, мистики, сумасшедшие проповедники, сектанты... Наверное, в какой-то момент деревня стала таким местом, где сошлись люди, не представляющие для себя жизни без насилия. Зачем я всё это говорю? Вряд ли кого-то интересуют мои мысли. Наверное, именно поэтому я высказываю их здесь, одна, облекая их в такие умные слова и обороты, которыми у нас в деревне никто не пользуется.

Берёт в руки блестящую от сажи заслонку, смотрится в неё, как в зеркало.

Меня зовут Анна. Мне 22 года. Я училась в институте. На третьем курсе поехала автостопом под Москву. На рок-фестиваль. Встретила здесь свою любовь. Осталась здесь жить. Сначала мне всё даже нравилось. Похоже на голливудское кино. Потом мой ребёнок нечаянно застрелился, играя с пистолетом моего первого мужа. Потом мужа убили акимовские, когда он помогал своему другу красть себе жену. Потом я сошлась с Витей. Кому всё это интересно? Кому надо? Ведь о нас никто и не вспомнит. Даже если мы все умрём. Хлеб будут в Америке покупать... Тушёнку – в Китае... Ладно. Как там говорил председатель? Надо попробовать сделать что-то полезное.

Напевая «Их в живых осталось только семеро», в горницу вваливаются нетрезвые «Малыш» Витя, Серёга «Левша» Вяземский и «Одиночка» Колян. Анна быстро закрывает печь и уходит в соседнюю комнату.

ВИТЯ. *(Вслед Анне)*. Анна, ты можешь остаться! Мы просто посидим – никаких секретов!

АННА. Спасибо, но мне что-то нехорошо. Я полежу.

КОЛЯН. То, за что я люблю новую жизнь – женщина твёрдо знает своё место. Правильно, мужики?

СЕРЁГА. Несомненно. Ты как считаешь, Малыш?

ВИТЯ. Я думаю, что, как и у всех порядков – тут есть две стороны. И самая неприятная из них, товарищи – это та, что с женщиной стало совершенно невозможно поругаться. Чуть что – Кодекс Отцов...

КОЛЯН. Ну, это не самое страшное...

СЕРЁГА. Одиночка прав, Малыш. Лаяться с женой – сомнительное удовольствие. К тому же достаточное количество любителей такого рода диалогов имели обыкновение поутру находить свои яйца в стаканчике рядом с кроватью... Спать-то, как ни крути, вместе – это настораживает, и выбивает из рук аргументы...

ВИТЯ. Я не спорю. Оно к лучшему. Что ж, товарищи – угощайтесь! Меня, согласно Кодексу Отцов, встречает порядок в доме и накрытый стол – а где у нас самогонка, я, слава Богу, и сам знаю...

Садятся, наливают, закусывают.

СЕРЁГА. Так вот, а я говорил о вчерашнем поджоге... это первый раз, когда подожгли не жилой дом, а административное здание, так, по-моему...

Поправьте меня, товарищи...

ВИТЯ. Да нет, Левша. Тут ты прав.

КОЛЯН. И какого хрена это может значить?

ВИТЯ. Колян, я прошу тебя – не ругайся в доме. После захода солнца это ни к

чему.

КОЛЯН. Прошу простить.

СЕРЁГА. Да ладно вам, товарищи – вы ещё через плечо поплуйте. Сколько можно! Все эти бабьи сказки только мешают вам самовыражаться... лучше объясните мне относительно поджога...

ВИТЯ. Левша, твой атеизм достаточно известен, чтобы не резать слух, и всё-таки я скажу тебе – не всё, что происходит на свете, умещается в журнал «Наука и религия» - особенно за 1971 год. Я знаю людей, которые не сплунули вовремя – и загремели в объятия почивших родственников. Причём некоторые из них – по частям...

КОЛЯН. Это ты про Саню-Мотылька?

ВИТЯ. *(Выпивает)*. А хоть бы и про него.

КОЛЯН. Тогда ты прав. Саня был парень что надо... только с головой не дружил. Что ты лыбишься, Серый? *(Выпивает)*. Если я правильно помню, вся его вина в тот раз была в том, что он не стал молиться перед тем, как выйти потанцевать с братьями Шнайдер. И где теперь Мотылёк?

СЕРЁГА. Я вас умоляю, товарищи... хватит о приметах и сверхъестественном. Мотылёк мог хоть лоб пробить, молясь, и утопить весь кабак в своей слюне, сплёвывая – но если пить так, как он пил перед тем, как сцепиться с братьями Шнайдер... короче, дохлое это было дело, с самого начала. *(Выпивает)*.

ВИТЯ. А помолился бы – глядишь, и выпил бы меньше. *(Выпивает)*.

КОЛЯН. Точно. А кабы сплунул вовремя – глядишь, и протрезвел бы! *(Смеётся, выпивает)*.

СЕРЁГА. А всё-таки неясно с этими поджогами...

ВИТЯ. Да ладно тебе, Серёга! Пусть председателя голова болит! Это, в любом случае, его дело. Оно не касается стрелков.

СЕРЁГА. Не скажи, Малыш! А если, к примеру, следующим подожгут тебя?

ВИТЯ. Ну, горели пока только пустые дома...

КОЛЯН. Это точно. *(Выпивает)*.

СЕРЁГА. Я гипотетически... ну, то есть если представить просто.

ВИТЯ. А если представить – тогда я живо найду этого партизана, и повешу перед кабаком. И в том тебе ставлю в свидетели моих слов револьвер и четыре патрона...

КОЛЯН. Здорово, Малыш! Клянусь своей пушкой, я буду участвовать в этой потехе, на хрен!

ВИТЯ. *(Строго)*. Колян, я, кажется, просил...

КОЛЯН. Прости, Витя! Мой косяк... *(Выпивает)*.

СЕРЁГА. И как бы ты это сделал, Малыш?

ВИТЯ. *(Выпивает)*. Да проще простого! Во-первых, сделал бы засаду на каланче, и посмотрел бы, кто шляется по деревне по ночам. Потом проверил бы всех, у кого есть мотоциклы и просто бензин... и тебя в том числе, Серёга.

СЕРЁГА. Посмотрел бы я на того парня, который вздумает сунуться к моему мотоциклу. Это ведь должен быть просто чудо, какой отважный мужик.

ВИТЯ. То есть ты хочешь сказать, что во мне недостаточно отваги? Так, Сергей Вяземский, по прозвищу «Левша»?

СЕРЁГА. Я хочу сказать, что тебе было бы достаточно моего слова. Мы ведь не первый день знаем друг друга, точно?

ВИТЯ. Ладно. Твоего, может, и достаточно было бы... Ну, а потом я пригласил бы кого-нибудь, кто разбирается в следах, и посмотрел бы, чьи синие резиновые сапоги наследили возле библиотеки...

КОЛЯН. Резиновые? А с чего ты взял?

ВИТЯ. Подошва точь-в-точь, как на моих говнодавах, которые твоя свинья сожрала в прошлом году, Колян!

КОЛЯН. Лучшая свинья в мире! Когда она умерла, я даже плакал. Потому что...

СЕРЁГА. ...потому что пить надо меньше, Колян. Ты даром, что пушку на бедро повесил, а как был слесарь, так им и остался. Только слесарь может по пьяни застрелить собственную свинью...

КОЛЯН. Левша, если я правильно слышу, ты сомневаешься в моей профпригодности?

СЕРЁГА. А если и да?

ВИТЯ. Стоп, товарищи! *(Наливает)*. Если на то пошло, то Кодекс Отцов запрещает какие бы то ни было тесты в жилом доме!

КОЛЯН. Хера ли этот Кодекс, мать его!

СЕРЁГА. Упс...

Раздаётся выстрел. «Малыш» Витя встаёт из-за стола. В его руке – дымящийся револьвер. «Одиночка» Колян некоторое время сидит неподвижно, потом откуда-то из-под волос на его лице проливается струйка крови, и он падает навзничь.

ВИТЯ. Колян, я же просил...

СЕРЁГА. *(Наливает)*. Давно пора было это сделать. Он всё-таки так и не стал стрелком.

ВИТЯ. Кодекс... Кодекс Отцов... Я убил человека в собственном доме, во время трапезы...

СЕРЁГА. Перестань причитать, Малыш! Лучше закопай его, или перекинь через забор соседям. Рядом с тобой живут свиноводы – они тебе только спасибо скажут.

ВИТЯ. Нет... то, что я сделал... это... неправильно.

СЕРЁГА. Перестань. Меня больше интересует, что ты там говорил относительно синих резиновых сапог... *(Берёт рюмку Коляна, плещет из неё на пол, выпивает)*. Твоё здоровье, Одиночка. Так вот – с чего ты взял, Малыш, что они синие?

ВИТЯ. *(Выпивает)*. С того, что обувь у нас обычно покупают в одном и том же магазине, в городе. А там резиновые сапоги продаются только синего цвета. Сколько себя помню... *(Выпивает)*. Нет, всё-таки стоило выйти с ним во двор.

СЕРЁГА. Брось, Малыш. Я никому не скажу. Что касается стрелков – не уходит дальше стрелков. Так?

ВИТЯ. Так, Левша. Знаешь, иногда мне кажется...

СЕРЁГА. ...что раньше было не так?

ВИТЯ. Ага.

СЕРЁГА. Брось, Малыш. Я читал в книгах – всё всегда так и было. Ну, может, немного не в том виде... Раньше – смешно сказать! – просто напивались, и протыкали друг друга вилами. И всё.

ВИТЯ. И всё?

СЕРЁГА. Ну, ещё женщин били просто так. Не за дело, а просто потому, что они слабее. И не могут дать сдачи. Воровали всё, что можно. Даже в церкви. Даже во время похорон. Дрались на свадьбах.

ВИТЯ. Да ладно...

СЕРЁГА. Клянусь Домом Вяземских! Я – стрелок в третьем поколении, Витёк! Я не болтаю попусту.

ВИТЯ. Кошмарное было время, наверное...

Звонит телефон. Витя долгое время роется в карманах штанов и куртки.

ВИТЯ. Да! Алло! Что? Что?! Да чтоб ты пропал, абонент! Я застрелил хозяина этого телефона на спор, в кабаке, три недели назад! Если ты хочешь за него отомстить – я здесь и никуда не денусь, пеленгуй звонок, и приезжай! А если тебе просто некуда девать время – включи свой долбаный телевизор и предайся блуду и онанизму, как вы все там, в своём трижды долбанном городе! (*Выключает телефон*). Тот-Кто-Не-Хочет-Спать всегда говорил – «кто говорит в сотовый телефон, говорит с дьяволом». Наверное, он был прав.

СЕРЁГА. Ладно, Малыш. Я, пожалуй, пойду... Слушай, давай разовьём завтра тему насчёт синих резиновых сапог, а? Мне понравилось – особенно в свете учреждённой председателем награды за Поджигателя. Не то, чтобы мне не хватало монеты – но всегда неплохо, когда ты можешь себе позволить кое-что сверх обычного? Или я неправ?

ВИТЯ. Ты редко бываешь неправ, Серега. Иногда я даже удивляюсь, как тебе это удаётся.

СЕРЁГА. Это приходит само с третьим десятком мертвецов. У тебя сколько уже, Малыш?

ВИТЯ. С этим (*Кивает на тело Коляна*) будет девятнадцать. Только вряд ли он считается. Так?

СЕРЁГА. Ну, в наше бесславное время можно засчитать и слесаря... я бы его считать не стал, но с другой стороны – что это у него торчит на бедре? Не пушка?..

ВИТЯ. Это его «Макаров», восемь патронов в магазине, один в стволе. Три запасные обоймы, пули разрезаны крест-накрест. За такие пули акимовские распинают на тележном колесе, но Колян не просил пощады, и сам её никому не давал.

СЕРЁГА. Тогда, стало быть, он стрелок. А раз так, то вписывай его в свой реестр, Витя Малышев, по прозвищу «Малыш». Ты победил его. А он лопухнулся. Всё честно. (*Выпивает*).

ВИТЯ. Поможешь мне перекинуть его через забор?

СЕРЁГА. О чём разговор! Тогда – по-честному? Мне – две обоймы и нож, пояс и оружие – тебе?

ВИТЯ. Обойма и пояс. Нож и пистолет – мои.

СЕРЁГА. Две обоймы.

ВИТЯ. По рукам. Бери его за ноги.

Витя и Сергей уходят. Анна возвращается в горницу, снимает со стола скатерть, поднимает стул. Приносит из сеней воды и замачивает скатерть в корыте. Возвращается Витя, некоторое время с виноватым видом следит за действиями Анны. Потом подходит и обнимает её сзади. Анна снимает с себя его руки.

ВИТЯ. Я его предупредил. Трижды. Он осквернил наш дом после Заката.

Анна молча смотрит на него.

ВИТЯ. Он ругался. Что мне оставалось делать? Я не могу позволить кому попало ругаться у себя в доме. Потому что... это... неправильно.

Анна молчит.

ВИТЯ. Ну, что ты молчишь? Я неправ? Что мне делать? Позволить сквернословить? Что потом? Я тебе скажу, что будет потом... Потом у нас в доме станет можно взять женщину силой. Потом – не только женщину. Мужчину. Ребёнка. А потом у нас можно будет резать животных. Потом мы станем хуже самогонщиков, которые продают туристам всякую дрянь, от которой рождаются дети с отклонениями. А потом...

АННА. Достаточно.

ВИТЯ. Что...

АННА. Я говорю – ты сказал достаточно. Позволь сказать мне.

ВИТЯ. Женщина, не забывайся! Кодекс Отцов гласит, что прерывать мужчину...

АННА. Ты насрал на Кодекс Отцов. Ты только что, пять минут назад насрал на него, «насрал говном», как говорил тот, кого ты только что убил. Поэтому заткнись и не перебивай меня. Ты говоришь, что Одиночка осквернил твой дом? Это ты его осквернил. Ты пролил кровь человека, с которым ел, на обеденный стол. Ты грохнул его насмерть за пару раз сказанное слово «хер», слово, которое сам повторяешь каждый день, невзирая на положение солнца относительно горизонта? Ты швырнул его через забор, соседским свиньям, а теперь стоишь передо мной и произносишь пафосные речи, словно ты всё ещё играешься в Фенимора Купера со своими друзьями, такими же допившимися до ручки алкашами, как и ты сам? Пошёл в жопу, стрелок. Пошёл в жопу из моего дома, потому что меня тошнит от тебя, и от этой игры в индейцев! И мне насрать на Кодекс ваших Отцов, потому что то, что вы творите здесь изо дня в день, доказывает, что ваши отцы и были теми самыми «детьми с отклонениями»!

Пауза.

ВИТЯ. Аня...

АННА. Прости, Витя.

ВИТЯ. Я не хочу этого.

АННА. Прости.

ВИТЯ. Ложись на лавку.

АННА. Хорошо, Витя.

Анна ложится на лавку. Витя выходит во двор и возвращается с вожжсами.

ВИТЯ. Я не хочу этого.

АННА. *(Задирает платье)*. Мы оба этого не хотим.

ВИТЯ. *(Бьёт Анну вожжсами)*. Это неправильно. *(Бьёт Анну)*. Многое здесь неправильно. *(Бьёт Анну)*. Но мы стали такими, какими стали. *(Бьёт Анну)*. И ничего не сделать. *(Бьёт Анну)*. Может, мы одни виноваты, может – не только мы. *(Бьёт Анну)*. У нас много чего нет. *(Бьёт Анну)*. У нас почти ничего нет. *(Бьёт Анну)*. Зато у нас есть Кодекс. *(Бьёт Анну)*. Теперь у нас есть Кодекс. *(Бьёт Анну)*. Лучше так, чем как раньше. *(Бьёт Анну)*. Потому что так, как раньше – значит умереть, не оставив даже могильного холмика. *(Бьёт Анну)*. Теперь нам многое нельзя. *(Бьёт Анну)*. В том числе сквернословить после заката солнца. *(Бьёт Анну)*. И бить женщин без вины. *(Бьёт Анну)*.

Тишина. Анна тяжело дышит. Витя снимает со стены плетъ и выходит во двор. Оттуда через некоторое время раздаются звуки ударов. Анна снимает платье через голову, подходит к стереосистеме, надевает наушники, включает. Со двора возвращается Витя, рубашка у него на спине промокла и красная. Некоторое время он смотрит на Анну, потом уходит в спальню. Утром Анна проснётся раньше и успеет встретить мужчину накрытым столом и порядком в доме. На столе будет лежать та же скатерть, но кровавого пятна на ней не будет – поэтому мужчина сможет забыть то, что было вчера и начать новый день с чистого листа. Как оно всегда и выходит.

АННА. Что у тебя сегодня?

ВИТЯ. Поеду с ребятами. Четверо фермеров собрались в город, им нужна защита.

Витя встаёт, достаёт из комода пояс с револьверами, расстилает газету на столе и чистит оружие.

АННА. Платят?

ВИТЯ. В основном продукты. Вечером от них придут, принесут всё, о чём договорились. Примешь?

АННА. А как же.

ВИТЯ. Ань...

АННА. Не надо.

ВИТЯ. Ань, я не об этом. Я о том, что... тебе плохо здесь?

АННА. Почему ты спросил?

ВИТЯ. Ну... ты как-то пусто живёшь. Я не чувствую, что тебе интересно.

АННА. А тебе?

ВИТЯ. Что мне?

АННА. Тебе – интересно? Живут не для этого, Витя... не для того, чтобы было интересно.

ВИТЯ. А для чего?

АННА. Кто как. Кто-то и для этого, конечно. А кто-то... для того, чтобы сделать что-то полезное.

ВИТЯ. Но я же и делаю. Если я вот не пойду охранять этих фермеров, акимовские их на рогатины поднимут – это же дважды два! Правильно?

АННА. Если ты спрашиваешь, значит, ты сомневаешься. *(Улыбается)*. Так?

ВИТЯ. Анна, я хочу тебя вот о чём попросить. Пока меня не будет, может зайти председатель. Он может попросить тебя о чём-нибудь. О какой-нибудь услуге.

АННА. А если уже попросил?

ВИТЯ. Уже? Когда?

АННА. А что ты так беспокоишься, Витя? Ты боишься, что я приму участие в вашей войнушке на равных правах? Как помощник председателя? Или ты боишься, что мне придётся сойтись с тобой на улице, перед вашим кабаком – и ты окажешься менее быстрым? А, Витя?

ВИТЯ. Ты злишься на меня. Это из-за вчерашнего. Я понимаю...

АННА. Ты не понимаешь, Витя. Но это не страшно. Страшно, что ты не понимаешь другого...

ВИТЯ. Чего?

АННА. Это неважно. Тебе не стоит пока об этом думать. Председатель не приходил, Витя. А если он придёт, я знаю, что ему ответить. Я не стану ему

помогать. Успокойся. Езжай и постарайся, чтобы фермеры доехали до города все. И сам приезжай – живым. Хорошо?

ВИТЯ. Хорошо. Жди меня, Анна.

АННА. Приезжай живым.

Витя уходит. Анна убирает со стола. Откидывает крышку подпола. Спускается туда и через некоторое время возвращается, неся на руках телевизор. Плотнo занавешивает окна. Ставит телевизор на пол, подключает к кабелю, присоединяет к нему антенну из пивных банок. Настраивает. Начинается сериал.

Через некоторое время в дверь стучат. Анна быстро отсоединяет антенну, отрывает кабель, задвигает телевизор в дальний угол, набрасывает на него плед, сверху ставит вазу с засушенными полевыми цветами. Идёт открывать. Возвращается с Председателем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не помешал?

АННА. Нет. Всё в порядке. (Сажает Председателя спиной к стоящему в углу телевизору). Чаю?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А есть что покрепче?

АННА. Есть. Но я думала, власть до конца рабочего дня не пьёт... (Достаёт самогон).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У меня день ненормированный. Следовательно, можно. (Наливает, крутит в руках стакан). Всё у меня не идёт из головы та стрела, Анна...

АННА. Не думайте. Мысли притягивают неприятные вещи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Отсутствие мыслей – тоже не самый лучший вариант. Те, кто мало думает, обычно становятся стрелками.

АННА. У меня муж – стрелок, Председатель. Я бы вас попросила...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я в целом, Анна, в целом... как мы до такого дошли, а, Анна? И почему именно до этого?

АННА. Ну, это – не самый худший, как вы говорите, в а р и а н т.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А вы знаете хуже?

АННА. Знаю. Каменный век. Здоровенная, обмазанная кровью каменная баба напротив сельмага, ночные танцы, каннибализм и внутриродовой инцест. Кровь, содранная кожа и каменные кольца на шее замужних десятилетних девочек. Как в Акимовке.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Значит, у нас – не так плохо?

АННА. У нас плохо. Хоть и лучше, чем в некоторых местах, но всё равно – плохо. Потому что...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вот мы и подошли к главному, Анна. Скажите, почему. Вы ведь учились в институте. Вы – представитель цивилизации, той самой, между прочим, которой здесь так не хватает. Скажите.

АННА. Ой, да хватит вам! Сколько вам лет? 40? 45? С каких пор состоявшемуся мужчине, единственному представителю Закона на пять сотен километров в округе, нужен совет 22-летней недоучившейся учительницы русского языка и литературы? Почему? Откуда я знаю? Раньше надо было думать! До того, как по деревне стало невозможно пройти без оружия. До того, как все походили с ума от самогона, дикой конопки и импортного городского героина! До того, как всем стало насрать на то, что здесь происходит. До смертности, превысившей рождаемость. До знахарей и бабок-шептуний, которые заменили врачей! А потом – и учителей! До того, как появились

Стрелки. Вот такое моё мнение. А теперь уже поздно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Думаешь – совсем поздно?

АННА. Думаю – да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И что же делать?

АННА. Это вы у меня спрашиваете?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нда... Извини. Ясно, что делать. Для начала надо найти Поджигателя.

АННА. Кстати, Витя предложил вчера хороший способ. «Сделать засаду на старой каланче и посмотреть, кто шляется в деревне по ночам. А потом проверить всех владельцев мотоциклов и тех, у кого остался бензин». Конец цитаты.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ты что, обсуждала это с ним?

АННА. Нет. Они вчера сами обсуждали это. Между собой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Каланча... обалдеешь там сидеть. Тем более, что в действиях Поджигателя нет ни постоянства, ни периодичности. Это стандартный пироманьяк.

АННА. Председатель...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, Анна?

АННА. Кем вы были до того, как стали у нас председателем?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Шоферил. Ездил туда-сюда. Как-то приехал в эти места... Стало интересно...

АННА. Чёрт. Почему всем мужчинам это настолько интересно, что они готовы платить за это даже ценой собственной жизни? Какое удовольствие – стрелять в кого попало?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я не стреляю в кого попало. Я слежу, чтобы поголовье плохих парней не превысило поголовье хороших.

АННА. А мой муж – хороший парень?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Витя «Малыш»? По-моему – нормальный...

Анна становится к Председателю спиной, задирает платье.

АННА. Вот это, согласно действующему в этих местах Кодексу Отцов, имеет право сделать со своей женщиной любой нормальный мужчина. Как вам это, председатель? Нормально?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что... это он вчера с тобой сделал? А что ты сделала, женщина?

АННА. Я не Женщина. Я Анна. У меня есть имя. Понял, председатель? Не какую-то там Женщину, субъекта местного права, отхерачили вожжами ночью на скамье, а Анну. Меня. *(Берёт его руку, кладёт на свою грудь)*. Чувствуешь? Это настоящее тело. У субъекта права условное тело. И повреждения ему наносятся условные. А это – я...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Анна...

АННА. Тихо. Не вздумай ничего говорить. Просто молчи. Поцелуй меня.

Анна и председатель опускаются на пол. Случайная оса надолго висит в открытом окне, наблюдая, как толкается и плещется самогонка в стакане на столе. Она улетает, когда Анна и Председатель, вспотевшие и растрёпанные, поднимаются с пола.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Анна, у меня вопрос...

АННА. *(Подходит к зеркалу, поправляет причёску)*. Давайте

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А почему вы остаётесь здесь? Почему не уезжаете?

АННА. Как по-вашему, далеко я смогу уехать отсюда? Я реалистка, председатель. Уезжать мне придётся ночью – потому что на всех выездах днём дежурят стрелки. А ночью, одна, без оружия... много у меня шансов против акимовских охотников за головами?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да... извини. А если предположить, что у тебя появится некто, кто сможет увеличить твои шансы?

АННА. Это вы о себе?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. К примеру.

АННА. *(Улыбается)*. Это надо обдумать, председатель. И я обдумую это, будьте уверены. Давайте лучше вернёмся к нашим делам. Вчера у мужа в гостях, среди прочих, был Сергей Вяземский...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. ...более известный как «Левша».

АННА. Да. Его очень интересовало то обстоятельство, что мой муж сказал, что Поджигатель, по его соображениям, носит синие резиновые сапоги – по крайней мере на дело.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Синие? Хм... ну, это мало что мне даёт. У нас почти все фермеры так ходят.

АННА. Но это исключает стрелков, не так ли? Стрелки не ходят в резиновой обуви. От этого развивается плоскостопие.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Или Поджигатель хочет свалить вину на фермеров. В любом случае, это сужает круг подозреваемых до людей, обладающих определённой степенью интеллекта и фантазии. Слава Богу, у нас таких немного.

АННА. Вы так считаете? В любом случае, присмотритесь к Вяземскому. Из вчерашнего разговора мне показалось, что помимо определённого интеллекта и фантазии он обладает ещё и патологической тягой к насилию. Ему нравится быть стрелком, председатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Почти всем стрелкам нравится быть стрелками, Анна. Это даёт им возможность не копать в навозе, презирать тех, кто в нём копается, и задирать нос перед туристами.

АННА. Но не всем нравится убивать. А Сергею нравится. Он прямо кайфует от своего занятия. Я боюсь его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Знаешь? Я тоже его боюсь. Он чертовски быстрый. Просто нечеловечески. Мы вместе с ним прикрывали наших ребят, когда акимовские напали на передвижной госпиталь. Он положил человек десять за какие-то полминуты. И смеялся при этом. Смеялся, как одержимый. И ещё – он целует патроны перед тем, как зарядить их в барабан. Такое тоже бывает неспроста. Но... что-то мне не верится. Что он из тех, кто жжёт дома. По крайней мере, пустые. Нет, «Левша» в состоянии сжечь родильный дом со всеми его обитателями, но пустой... в этом нет для него интереса.

АННА. Как знать, председатель. Может, вы и правы. Но в связи со всем вышеизложенным я хочу *(Подходит к нему вплотную)* попросить вас вот о чём...

Анна выдёргивает из кобуры Председателя пистолет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это ни к чему, Анна! Отдайте!

АННА. Помощник председателя – без оружия? В какой бы деревне вы это ни видели, там ситуация была явно лучше, чем у нас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Анна...

АННА. *(Касается пистолетом губ и лижет дуло)*. Я слушаю...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ничего. Спасибо за добытые сведения. И... надеюсь, вы умеете с ним обращаться.

АННА. Я жена стрелка. Малыша Вити. *(Крутит револьвер на пальце)*. Ваш револьвер неплохо сбалансирован, но для моей руки тяжеловат. Мне нужно меньше тяжести на большой палец. Но эту проблему я решу. *(Открывает барабан)*. Семизарядник, девять миллиметров Парабеллум... явно не наша модель. Откуда он у вас, председатель?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. От предыдущего председателя. Его, кстати, убил «Левша». Пять лет назад, у кабака. Оружие председателя является собственностью власти, поэтому не наследуется победителем.

АННА. Хорошо. А оружие помощника?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Помощника – наследуется.

АННА. Я это запомню. А теперь – идите, председатель. Я постараюсь ещё что-нибудь узнать. Мой муж сопровождает фермеров, вернётся только завтра.

Думаю, на привалах они будут говорить не только о бабах, футболе и оружии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Хорошо, Анна. *(Уходит, задерживается в дверях)*. Да, всё хотел сказать... осторожней с этим. *(Кивает на телевизор, покрытый пледом)*. Он разрушает личность. В этом ящике куча того, о чём лучше не думать, и чего лучше не знать.

АННА. Хорошо, председатель. Я всегда осторожна.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тогда – до свидания?

АННА. Так прощаются со шлюхами. Пожелай мне счастья!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Счастливо, Анна!

АННА. Пока.

Оставшись одна, Анна рассматривает револьвер, потом прячет его. Уносит телевизор в подпол. За дверью раздаются нетвёрдые шаги, женский голос напевает «Я-я яблоки ела», дверь открывается, и в комнату входит Лена «До свидания».

АННА. Привет, Елена.

ЛЕНА. Привет! Что делаем? *(Замечает на столе так и не выпитый председателем стакан с самогоном)*. Оп-па! Угощаешь?

АННА. На здоровье.

ЛЕНА. *(Выпивает)*. А я мимо иду – а что это, думаю, у Малыша окна зашторены, когда на улице такая жарынь?..

АННА. Поэтому и зашторены, что жарынь. Тень. Предпочитаю держать солнце на расстоянии.

ЛЕНА. А что это от тебя председатель выходил?

АННА. А почему это тебе так интересно, Елена? Я же не интересуюсь, кто от тебя сегодня выходил?

ЛЕНА. Могу перечислить...

АННА. Спасибо. У меня есть, чем занять день.

ЛЕНА. Ах, как грубо... как умно и грубо... и, кстати, совершенно напрасно. Потому что имя твоего мужа стоит первым в списке сегодняшних...

АННА. И что?

ЛЕНА. Ничего... простенький утренний минет... ты знаешь значение выражения «на посошок», Анна?

АННА. «Посошок» - палка в дорогу?» Знаю. Ты пришла, чтобы заниматься со мной этимологией русского языка, Елена? Зря. Хотя бы потому, что я, в отличие от тебя, знаю значение слова «этимология».

ЛЕНА. (*Примириительно*). Я тоже много чего знаю. Не злись на меня, Аня. Пожалуйста. Может, я хочу тебе помочь?

АННА. Это в смысле?

ЛЕНА. Ну, даже такой необразованной девушке, как я, не требуется сильно шевелить мозгами, чтобы увязать серию недавних поджогов брошенных домов с визитом председателя к самой, как ни крути, образованной девушке в деревне.

АННА. И что?

ЛЕНА. Он просил тебя помочь ему?

АННА. А если бы, как любит говорить мой муж, и так?

ЛЕНА. А если бы и так – как любит говорить на самом деле не столько твой муж, сколько Серега «Левша» - тогда я бы на твоём месте дважды подумала, прежде чем соглашаться.

АННА. Это почему?

ЛЕНА. Потому, что тогда ты автоматически подпадаешь под статус помощника председателя, вследствие чего стрелки перестают разговаривать с твоим мужем, он лишается работы, и ты живёшь далее в долг у добрых людей до тех пор, пока к тебе однажды ночью не постучится в окно тот самый Серёга «Левша» - да только не будет в доме стрелка, чтобы тебя защитить.

АННА. Первое. Я не помогаю председателю. Второе. Я не боюсь «Левшу», кем бы он ни был. Третье. Я не собираюсь в ближайшее время напрягать добрых людей одалживанием мне средств к существованию. И четвёртое: я сама могу себя защитить, Лена. Скажу больше – ты будешь удивлена, если узнаешь, до какой степени я могу это сделать.

ЛЕНА. Ты назвала меня Лена... Это хорошо. Это значит, что мы не враги?

АННА. Мы никогда не были врагами. Просто ты мне не нравишься.

ЛЕНА. А зря. (*Садится за стол*). Я ведь, знаешь, могу быть здорово полезной. Особенно такой девушке, как ты.

АННА. А что во мне такого особенного?

ЛЕНА. Ну, например – ты умная. Нет?

АННА. Дальше. В этом я пока не вижу ничего особенного.

ЛЕНА. Аня. Ты ведь хочешь отсюда уехать? А?

АННА. С чего ты взяла? Я живу здесь четвёртый год. У меня тут муж. Дом. Хозяйство. И, если всего этого мало – могила ребёнка.

ЛЕНА. Я так думаю, последнее и должно быть если не основной, то достаточно серьёзной причиной для переезда.

АННА. Так. Это серьёзный разговор, Лена. Ты понимаешь, что...

ЛЕНА. Я понимаю. Я многое понимаю... мужчины ошибаются, когда думают, что если женщина большую часть времени проводит на спине, то ей и подумать некогда. Есть когда – и не в последнюю очередь потому, что качество секса некоторых из них располагает к долгим размышлениям – это позволяет извлечь из процесса хоть какую-то выгоду, помимо материальной, разумеется.

АННА. И о чём же ты думаешь, Лена, лёжа на спине и получая материальную выгоду?

ЛЕНА. Ну зачем ты... а, это в любом случае, просто слова. Много о чём. В последнее время – больше о поджогах. И о Поджигателе.

АННА. И что ты об этом думаешь?

ЛЕНА. У тебя нет ещё выпить? Такой девушке, как я, приходится постоянно заливать горе...

АННА. (*Достаёт самогон*). Какое у тебя может быть горе, Лена?

ЛЕНА. Я оплакиваю вырождающийся род мужской, Аня. Ты не представляешь, как сдали мужчины в последнее время... (*Грустно качает головой, выпивает*).

Это, наверное, стресс. Или водка.

АННА. Я вчера услышала хорошее выражение: «это приходит с третьим десятком мертвецов»... Сказано это было немного не в том контексте, но к случаю, думаю, тоже подходит.

ЛЕНА. Может быть. По крайней мере, у «Левши» с этим точно не всё в порядке. А как у вас с Витей?

АННА. Думаю, со мной у него получается не хуже, чем с тобой. Хотя бывает, что я тебе завидую.

ЛЕНА. В каком плане?

АННА. Ты получаешь за это деньги. Мне иной раз тоже не помешала бы пара монет. В качестве моральной компенсации. Но это лирика, Лена. У тебя что-то есть по Поджигателю? Какие-то соображения?

ЛЕНА. А что?

АННА. *(Вздыхает)*. Лена, ты сама сюда пришла. Сама завела этот разговор. Поэтому, если у тебя что-то есть – говори. И не пытайся узнать что-то от меня. Или уёбывай. Я найду, чем заняться.

ЛЕНА. Ну вот, опять грубость. Я просто хотела сказать, что, по-моему, дома поджигает Тот, другой...

АННА. Его позавчера убили, Лена. И в ту же ночь сгорело здание библиотеки. Надо интересоваться не только мужской потенцией...

ЛЕНА. Я интересуюсь. Есть другой Тот. Тот-Кто-Слушает-Спящих.

АННА. Кто?..

ЛЕНА. Тот-Кто-Слушает-Спящих. Удивляешься? Конечно – как это может быть, чтобы жить в деревне четвёртый год, похоронить здесь ребёнка, и ни разу не встретить кого-то, кто живёт здесь едва ли не дольше остальных. А вот так, Анечка! Есть многое на свете, друг Горацио...

АННА. Тот-Кто-Слушает-Спящих?

ЛЕНА. Именно.

АННА. Дурацкое какое-то имя... Он что, тоже местный колдун?

ЛЕНА. По совместительству. Вообще-то, он бывший гинеколог.

АННА. А, вот откуда ты его знаешь...

ЛЕНА. Ну да. И, кстати, именно поэтому у меня до сих пор нет триппера.

АННА. Рада за тебя. А уж за твоих клиентов – вдвойне... а с чего ты взяла, что он – это Поджигатель?

ЛЕНА. Сейчас расскажу. Нальёшь ещё?

АННА. Угощайся.

ЛЕНА. Спасибо. Когда мы виделись в последний раз – кажется, недели две назад. Он, как всегда, гнал какую-то пургу. Ну, он вечно что-то бормочет, иногда это занятно, но иногда напрягает. Когда он начинает строить из себя какого-то долбаного пророка. Ну, типа того, он всё знает, все мы погрязли в смерти и блуде, и всё такое... так смешно! Уж я-то знаю, кто в чём погряз. И до введения Кодекса у нас в деревне более-менее вменяемые мужские письки были наперечёт, а с тех пор, как половина мужиков заделалась стрелками и отбила свою половую активность, трясясь на лошади то за акимовскими, то от них, а другая половина большую часть времени проводит жопой кверху, целуясь с каждой личинкой колорадского жука...

АННА. Лена, по теме.

ЛЕНА. ...ну да. Короче, он сказал, что ничего не имеет против, если всё тут сгорит синим пламенем.

АННА. И всё?

ЛЕНА. Нет. Не всё. У него в подвале стоит вот такая *(Показывает руками)*

баклага спирта. Он его меняет на йод. В городе.

АННА. Охреть... и, говоришь, он чеканутый?

ЛЕНА. Ну, не то чтобы на всю голову... но он похож на человека, который мог бы. И главное – он говорил, что на хрен этой деревне библиотека, если всё, что ей надо – это ещё одну шлюху, чтобы меня чуть-чуть разгрузить...

АННА. Разгрузить тебя? В каком плане?

ЛЕНА. Ну, я к нему как раз пришла с очередным абортom...

АННА. С очередным?

ЛЕНА. *(Зло)*. Да, с очередным! А ты думаешь, что шлюхи мертвы внутри, как гнилые колоды? Я жива, блин, ЖИВА, хоть и мечтаю, чтобы у меня там всё атрофировалось к ёбаной матери! Чтобы не залетать каждый раз, как какой-нибудь пьяный стрелок поковыряет во мне своей полудохлой от самогона палочкой! Мать его!

АННА. Эй, успокойся... я ничего такого не хотела...

ЛЕНА. Да пошла ты со своим состраданием! *(Наливает сама, выпивает)*.

Лучше слушай. У меня тоже есть корысть. Я видела, как у тебя иногда, по ночам, когда твой «Малыш» тусуется по найму или жрёт водку в кабаке, горит синий свет. И я знаю, что ты смотришь телевизор, потому что если на улице встать под определённым углом, он отражается вот в этом трюмо. А занавеска у тебя неплотная.

АННА. Так...

ЛЕНА. Я иногда останавливаюсь на улице и смотрю его вместе с тобой. Я вижу то, что ты видишь. Но, в отличие от тебя, я там никогда не была. Я не видела ничего из того, что ты видела, своими глазами. Не жила в этих домах. Не любила этих мужчин. Я очень, ОЧЕНЬ хочу туда. Понимаешь?

АННА. Понимаю.

ЛЕНА. В этом моя корысть. Я хочу быть там. Хочу лечь там в больницу. Чтобы врачи выгребли у меня изнутри всю эту нечисть, что мне натолкали наши доблестные ковбои. Хочу быть чистой и родить ребёнка. Ты ведь тоже этого хочешь?

АННА. Может быть. Может быть и этого. Может, и чего-то ещё. Главное – и это моя основная проблема – я чего-то хочу. Наверное поэтому, Лена, мне здесь и не место. В этом ты права.

ЛЕНА. Я тоже хочу. Аня, давай вместе, а? Давай будем вместе прорываться отсюда? Ты согласна?

АННА. Полегче на поворотах, Лена. Я ещё ничего не решила. И ничего тебе не сказала. Я просто думаю. Вслух. Размышляю. Почти как ты. Только... не на спине.

ЛЕНА. *(Встаёт, чуть покачивается)*. Вот так, да? Ну и хер с тобой тогда! Я тебе, почти как подруге... а ты...

АННА. Спокойно, Лена. Я не сказала «да», но и «нет», по-моему, тоже. Не кипятись. Давай проверим этого твоего... гинеколога... тем более, что, если то, что ты про него рассказала, правда... короче, он может быть опасен.

Действительно опасен.

ЛЕНА. Больше, чем «Левша».

АННА. Возможно. Лена?

ЛЕНА. Да?

АННА. Какие у тебя планы на сегодняшний вечер?

ЛЕНА. Что?

АННА. Я имею в виду – как насчёт взять выходной за свой счёт?

ЛЕНА. Ты о чём? Ты меня что... в гости приглашаешь?

АННА. Приглашаю. Мужа моего сегодня дома не будет, так что мы вполне можем посидеть вдвоём... как-то узнать друг друга. Я собиралась печь шарлотку.

ЛЕНА. Классно... я, кстати, знаю один рецепт...

АННА. Великолепно. А потом мы немного выпьем, и посмотрим телевизор. Скрывать от тебя это больше нет смысла. Правильно я понимаю?

ЛЕНА. Аня...

АННА. Что?

ЛЕНА. Спасибо тебе.

АННА. На самом деле – тебе. Ты почти вернула мне веру в людей. Яблоки у меня в ящике, в сенях. Вера в людей – это прелестно, но от помощи на кухне женщину освобождает только смерть.

ЛЕНА. Аня, ты... ты очень хорошая.

АННА. Наверное. Иногда сама удивляюсь.

Лена уходит в сени. Анна спускается в подпол. В раскрытое окно влетает бутылка с зажигательной смесью. Подскочив на полу, она падает в подпол и там взрывается. В комнату вбегают Лена.

ЛЕНА. Аня! Аня! Блин, мать его!.. АНЯ!!! Чёрт, что делать-то!.. что делать-то, чёрт, чёрт... (*Подбегает к окну*). Эй! Кто-нибудь, помогите! Горим! Пожар! Пожар, блядь!!! Где вы все, мать вашу!!!

За спиной Лены в комнату входит Тот-Кто-Слушает-Спящих. Аккуратно закрывает люк в подпол. Ставит сверху стул, садится на него. Лена поворачивается от окна.

ЛЕНА. А...

ТОТ-КТО-СЛУШАЕТ-СПЯЩИХ. (*Нагнув голову, и как бы прислушиваясь к тому, что происходит внизу*). Дурацкое имя, да?.. (*Лене*). Ты тоже так считаешь?

ЛЕНА. Это... это ты?

ТОТ-КТО-СЛУШАЕТ-СПЯЩИХ. Я.

ЛЕНА. А... а почему?

ТОТ-КТО-СЛУШАЕТ-СПЯЩИХ. Почему тебя интересует именно это? Почему вас постоянно интересует не то, что надо, а?

ЛЕНА. Ты... ты... выпусти её, а?

ТОТ-КТО-СЛУШАЕТ-СПЯЩИХ. Зачем?

ЛЕНА. Ну... там же пожар... она же сгорит... пожалуйста, а? Зачем ты всё это делаешь, пожалуйста...

ТОТ-КТО-СЛУШАЕТ-СПЯЩИХ. Вот опять. Почему вас интересует мотивация поступков сумасшедших? Скажи мне?

ЛЕНА. Я...

ТОТ-КТО-СЛУШАЕТ-СПЯЩИХ. Вместо того, чтобы попробовать – х о т я б ы п о п р б о в а т ь! – постичь причины собственных поступков, заведших вас в такую жопу, вы пытаетесь понять, почему замкнувшие мозги замыкает именно на пожирании маток по субботам.

ЛЕНА. М... маток?

ТОТ-КТО-СЛУШАЕТ-СПЯЩИХ. Ну, или на поджигании домов. Матки – это просто пример. Хотя Чикатило, конечно, тот ещё крендель...

ЛЕНА. Выпусти её...

ТОТ-КТО-СЛУШАЕТ-СПЯЩИХ. Какого хрена вы готовы любого сдвинутого почитать за шамана, особенно, если он обладает хотя бы приблизительными познаниями в медицине? Вы готовы прощать ему даже то, что он зверски режет ягнят по ночам...

ЛЕНА. Это же, ты говорил – для опытов...

ТОТ-КТО-СЛУШАЕТ-СПЯЩИХ. А ты проверяла? Но я немного не об этом... почему вам для того, чтобы начать думать, в каком дерьме вы сидите, нужна не смерть ребёнка, не двенадцать абортёв, не муж-стрелок, лупасящий вас вожжами, не деревня каннибалов поблизости... почему для того, чтобы вам начать думать, обязательно должен кто-то начать вас жечь. Убивать. Мочить. Загонять в горящие подвалы.

ЛЕНА. Выпусти её, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста...

ТОТ-КТО-СЛУШАЕТ-СПЯЩИХ. Мне ведь плевать на вас. Понимаете? Я слушаю спящих. Только во сне вы не врётё. Только ваши сны похожи на нормальную жизнь. Ваши сны – это всё, что у вас есть. Слова, которые вы при этом произносите – Истина. Понимаешь? Потому что как только вы просыпаетесь – вы уже не люди. Мужчины цепляют на пояс револьверы и идут играть в игрушки. А женщины слишком заняты горшками и сковородками, чтобы думать о причинах и следствиях сковородок и кастрюль...

ЛЕНА. Пожалуйста...

ТОТ-КТО-СЛУШАЕТ-СПЯЩИХ. Ты дура. Какого хрена, ты думаешь, я поджигаю эти дома?

ЛЕНА. Я никому не скажу...

ТОТ-КТО-СЛУШАЕТ-СПЯЩИХ. А никому и не надо говорить. Всем по херу. У стрелков есть кабак – им дома вообще не нужны. Даже когда они ещё не были стрелками, они приходили туда только ночевать. Будут так же сидеть на пепелище, и запивать «Роллтон» самогоном. Им плевать.

ЛЕНА. Выпусти...

ТОТ-КТО-СЛУШАЕТ-СПЯЩИХ. А может, ты скажешь местному председателю? И что? Он одержим желанием сделать что-то полезное... а полезное для него – это таскаться по деревне, воображая себя комиссаром Мегрэ, и трахать вон ту (*Показывает головой вниз*) женщину, которую муж по вечерам полосует вожжами. Это его успокаивает. Ему кажется, что он чего-то стоит. Может, он даже додумается до того же, до чего и вы. И что? Он убьёт меня? И ЧТО ИЗМЕНИТСЯ, МАТЬ ВАШУ?!!! Вам же абсолютно насрать на то, что у вас есть, и чего у вас нет... И на дома вам насрать – в них ведь никто не живёт с тех пор, как вы поубивали друг друга! Вам ведь просто интересно – что это за такой сумасшедший появился тут, в деревне, не похожий на остальных сумасшедших?! Знаешь что?

ЛЕНА. Что?

ТОТ-КТО-СЛУШАЕТ-СПЯЩИХ. Я вам помогаю. Я вам реально помогаю, Лена, Аня, Председатель, стрелки, акимовские каннибалы... всем вам. Когда я сожгу последний ваш дом, вам придётся начать что-то строить. Вот так. А для этого придётся перестать быть стрелками.

Тот-Кто-Слушает-Спящих встаёт со стула, пинком отбрасывает его в сторону, откидывает крышку люка – оттуда вырывается пламя – и становится над ним, расставив ноги. Расстёгивает ширинку и начинает мочиться в огонь.

ТОТ-КТО-СЛУШАЕТ-СПЯЩИХ. (*Водя струёй из стороны в сторону*). Вот на

что я надеюсь... это на то... что... когда вы что-то построите...

Снизу поднимается пар. Шипение. Огонь постепенно гаснет.

ТОТ-КТО-СЛУШАЕТ-СПЯЩИХ. ...там не будет таких, как вы...

Снизу, из люка, раздаётся четыре выстрела. Того-Кто-Слушает-Спящих отбрасывает к противоположной стене. По лесенке снизу поднимается Анна. У неё сильно обгорели волосы, одежда дымится. В руке она держит пистолет Председателя.

АННА. Вот кого там, сука, точно не будет, так это таких, как ты, кретин. (*Тот-Кто-Слушает-Спящих перебирает ногами, Анна тщательно прицеливается и стреляет ещё раз*).

ЛЕНА. (*Кидается к ней обниматься, обжигается о непотухший уголёк на одежде, отскакивает*). Аня! Живая!!!

АННА. Живая, блин...

ЛЕНА. Что тут было, Аня... ты себе не представляешь!

АННА. (*Усмехается*). Ты правда так думаешь?

ЛЕНА. Он... этот... который гинеколог... который слушает спящих... он тут говорил...

АННА. Да знаю я. Я слышала.

ЛЕНА. (*Смотрит на труп у стены*). Н-да...

АННА. Что – «н-да»?

ЛЕНА. Знаешь, а ведь это означает, что...

АННА. Что мы схлопотали награду? Вряд ли. Что он – Поджигатель, это ещё надо доказать. Пока мы с тобой заслужили только разбирательство. По Кодексу Отцов. За убийство мало того, что мужчины, так ещё и представителя столь редкой в наших местах профессии.

ЛЕНА. Не, я не о том. Я больше не проститутка.

АННА. А-а...

ЛЕНА. Кто меня теперь будет лечить? (*Ковыряет ногой труп*). Вот придурок! Ну, почему это оказался он? Теперь всё.

АННА. Ну почему всё? Выйдешь замуж за фермера... будешь капусту выращивать. Свиной. С кормом тут проблем нет, если что – стрелки позаботятся.

ЛЕНА. Аня, а ведь он немножко прав... он, конечно, сука, но всё-таки он в чём-то был прав... Нам наплевать на то, как мы живём. Мы с такой радостью соглашаемся на любые условия...

АННА. Вот для философии сейчас точно не время и не место. Давай. Помоги мне.

ЛЕНА. Что помочь?

АННА. Мой муж показал мне прекрасный способ избавления от нежелательных мертвяков в доме. Надо просто перекинуть незапланированное тело через забор. Я, вообще-то, всегда была против подобных вещей, но мне кажется, что для некоторых... это вполне нормальный способ упокоения.

ЛЕНА. Наверное... ладно. Что делать?

АННА. Бери его за руки.

Девушки приподнимают труп и наполовину несут, наполовину волокут его к двери. В дверях появляется Серёга «Левша» Вяземский.

СЕРЁГА. Прелестно...

Девушки роняют труп на пол. Из кармана у Того-Кто-Слушал-Спящих выкатывается бутылка с горючей смесью. Она делает полукруг по комнате и останавливается у носка Серёгиного сапога. Он поднимает её, и, задумчиво крутя в руках, идёт к женщинам. Те пьются от него. Дойдя до лежащего на полу стула, Вяземский поднимает его, ставит посреди комнаты, и садится. Кобуры у него на поясе растёгнуты.

ЛЕНА. А... Сергей?

Анна молчит.

СЕРЁГА. Шлюха сказала своё слово. А ты, жена стрелка? Ничего не хочешь сказать?

Анна молчит.

СЕРЁГА. *(Рассматривает бутылку)*. Начнём с разрядки. Как Горбачёв. Давай сюда пушку.

АННА. Хрена с два.

ЛЕНА. *(Испуганно)*. Аня, ты с ума сошла!..

СЕРЁГА. Нечасто приходится признавать правоту женщины. Но ты права, «До свидания». По крайней мере частично. У неё скорее всего шок. Поэтому она не до конца отдаёт себе отчёт в своих действиях. До неё, наверное, не доходит, что перед ней сидит не её покладистый муженёк, которому восемнадцать раз подряд повезло на поединках, а настоящий стрелок. Который, в числе прочего, способен взять вот эту бутылку и швырнуть её в двух очаровательных женщин. А потом, если у него будет подходящее настроение, выстрелить пару раз. Прекратить, так сказать, мучения. Давай пушку, Анна. Не стоит выяснять, насколько у меня хватает выдержки.

Анна вытаскивает пистолет, делает шаг к столу и кладёт его на скатерть. Потом делает шаг обратно.

СЕРЁГА. На будущее, Анна – когда оружие отдаёт стрелок, он его разряжает. А по мне, так настоящий стрелок вообще не отдаёт оружия. Такие дела.

АННА. Чего ты хочешь?

СЕРЁГА. Да так, просто зашёл. Заглянул, так сказать. Вообще у меня на уме было совсем другое. Я не поехал с остальными, как ты уже, наверное, догадалась. Я подумал: «на хера мне нужны вшивые продукты вонючих фермеров?» Мужчины работают за деньги, Анна. Я не признаю натурального обмена. Он отупляет и делает из нормальных людей сраных пацифистов.

ЛЕНА. Я...

СЕРЁГА. *(Стреляет ей в голову)*. Ты меня утомила, шлюха.

Лена беззвучно оседает на пол – в позу, напоминающую сидящего по-турецки человека. Анна сглатывает.

СЕРЁГА. А когда я не поехал, я подумал: «а какую бы выгоду мне извлечь из своего вынужденного безделья?» А после решил прошвырнуться по деревне. А потом вспомнил, что жена «Малыша» одна, и наверняка скучает, потому что Кодекс Отцов хоть и здоровская, временами, штука, но содержит крайне мало указаний относительно того, чем бы могла развлечься женщина в ожидании мужчины...

АННА. А потом у тебя появилась удивительно оригинальная идея на этот счёт. Правильно?

СЕРЁГА. Не потом. Раньше. Гораздо раньше, Анна. У меня давно была идея на твой счёт. Просто я – стрелок, а значит, умею ждать удачного момента.

АННА. И что?

СЕРЁГА. Давай поебёмся, Анна. Давай поебёмся – тебе ведь всё равно? Твой дом осквернён (не то, чтобы это имело для меня какое-то значение, но, может быть, для тебя имеет). Ты убила Мужчину. Ты снюхалась с председателем. У тебя в гостях – шлюха. Ты где-то достала оружие. Чёрт, ты офигенно развлеклась сегодня, должно быть... Тебе светит такая порка, которую ты вряд ли переживёшь – и никакой, даже самый распрекрасный председатель, тебе не поможет.

АННА. И ты, «Левша», считаешь, что секс с тобой – то единственное, что скрасит мне существование, и добавит положительных эмоций в мой, твоя правда, непростой день?

СЕРЁГА. (*Шумно вдыхая*). Мне просто нравится, как от тебя сейчас пахнет. От тебя пахнет гарью и дымом. Смертью. Мне нравится. Так как насчёт потрахаться. Анна? Может выйти очень неплохо...

АННА. А если я скажу «нет?»

Пауза. Вяземский постукивает бутылкой по ладони.

СЕРЁГА. Конечно, скажешь. Конечно, мать твою, скажешь... Все так говорят. Но ведь ты понимаешь, что это ничего не меняет. Все это всегда понимают. Но всегда говорят «нет». И потом случается то, что случается. И потом все плачут. Режут вены. А ведь наперёд всё знали. Но тем не менее снова и снова говорят «нет»... Вот ты, Анна, женщина – значит, знаешь предмет. Может, скажешь, почему оно так происходит?

АННА. Ты сам знаешь, почему. Потому, что у нас в крови отвращение к таким, как ты. И к такому виду ебли. Женщины обычно не против секса. И даже не против ебли – в некоторых случаях. Но изнасилование – а даже если я соглашусь, это всё равно будет изнасилование – нам претит. Также, как и вам. Даже больше – потому что мы после этого рожаем. Или делаем аборт. Поэтому наш отказ – это не каприз, как ты, возможно, думаешь, а закономерная реакция.

СЕРЁГА. Ну, аборт-то тебе делать не придётся, Анна. Во-первых, некому – единственного специалиста в данной области ты грохнула совсем недавно. А во-вторых – ты же понимаешь, что сразу после оргазма – моего оргазма, во всяком случае – ты умрёшь. Нет смысла оставлять тебя в живых. Ты тут не прижилась... как-то не понравилось тебе здесь... Я не прав?

АННА. Ордалии.

СЕРЁГА. (*Впервые по-настоящему удивившись*). Что?

АННА. Ордалии. Ты знаешь правила, Сергей Вяземский, по прозвищу «Левша». Я – стрелок, и я требую Божьего суда.

СЕРЁГА. Ты – не стрелок, Анна! Ты – девка, возомнившая себя стрелком! Какого хрена я должен...

АННА. Должен. Ты – стрелок в третьем поколении, «Левша». Хочешь, я напомню тебе твои слова, сказанные в этом же доме, не далее, как сегодня ночью? Что там лежит? На столе?

СЕРЁГА. Хорошо трепаться, женщина! Я...

АННА. (*Повышая голос*). Что там лежит на столе, «Левша»? Не моя пушка? Это «Смит-и-Вессон», 1871 года выпуска, семизарядник, спизженный, скорее всего, из какого-нибудь музея. Он немного тяжеловат по моей руке, я не успела его как следует отцентровать. Но он – мой, и в том мне свидетель местный председатель. Я – его помощник, а значит – стрелок, нравится тебе это или нет!

СЕРЁГА. (*Усмехаясь*). Здорово! Ордалии?

АННА. Ордалии.

СЕРЁГА. И какова твоя ставка?

АННА. Секс. Потрясающе обалденный секс, который вряд ли когда имел место в твоей ёбаной жизни, «Левша». А потом мы пойдём в сарай, я встану к стене, и ты поиграешь моим телом, хоть в подушечку для иголок, хоть в Игнатия Лойолу и Красную Шапочку. Ты ведь этого хочешь?

СЕРЁГА. Ты и вправду это сделаешь?

АННА. Сделаю. Потому, что если ты выиграешь, то это будет означать, что Бог на твоей стороне. А мне тогда точно ничего не светит. Но я не верю в то, что Бог может быть на стороне такого дерьма, как ты, Вяземский. Даже Поджигатель (*Кивает на труп*) был лучше. У него хоть крыша набекрень. Это его в какой-то степени извиняло.

СЕРЁГА. А Витя? Твой Витя, который хлещет тебя вожжами?

АННА. Витя – просто дурак. Он играет в это. Он бьёт меня, и это больно, и плохо, но он не безнадёжен. И мы с ним работаем над этим. И заметь – если б здесь не было Вити, ты бы сюда не припёрся. Потому что Витя не отдал бы меня ни тебе, ни председателю, ни священникам, ни кому бы то ни было – пусть я сто раз нарушила Кодекс Отцов! Потому что Витя меня любит. И запирает свой револьвер в комод, а это значит – ребёнок, который у нас может быть, родился бы, никогда бы не застрелился, играя оружием.

Серёга некоторое время думает. Потом улыбается. Хлопает себя по коленям.

СЕРЁГА. Хорошо, мать! Ты – стрелок. Я, Сергей Вяземский по кличке «Левша», стрелок в третьем поколении, признаю тебя равным себе и обладающим всеми со мной правами стрелком. И соглашаюсь на ордалии. Ты будешь стреляться со мной с сотни шагов, на главной деревенской улице. У каждого из нас будет... (*Вынимает из правой кобуры у себя на поясе револьвер, открывает барабан, высыпает патроны на пол, кладёт раскрытый пистолет на стол*) ...по одному пистолету. Итак, один пистолет. (*Вынимает свой левый револьвер, раскрывает барабан, высыпает на пол пять пуль*). Одна пуля. Стреляем по одному разу, победившим признаётся тот, кто остался на ногах после выстрела.

Вяземский берёт револьвер Анны, с силой выбрасывает бутылку с зажигательной смесью в окно и стреляет ей вслед. Вспыхивает огонь. Вяземский протягивает револьвер Анне.

СЕРЁГА. Теперь у тебя тоже одна. Заодно решили проблему с освещением. Ну что? Пошли?

АННА. После вас.

СЕРЁГА. Зря. Я, мать его, в спину не стреляю.

АННА. Согласно Кодексу, женщина выходит после мужчины.

СЕРЁГА. (*Усмехается*). Кодекс, блин... ну ладно.

«Левша» и Анна выходят на улицу. Какое-то время ничего не происходит, потом неожиданно сама собой включается стереосистема. Звучит песня Егора Летова «Невыносимая лёгкость бытия».

Музыка кончается с выстрелом на улице. Эхо долго тусуется от старого магазина к заколоченному зданию почты, суётся в дырки в заборах, спотыкается о свиней, лежащих в лужах, залетает на кладбище, но, испугавшись обилия свежих могил, взмывает к небу и растворяется в облаках. Прячется в облаках. Превращается в заходящее солнце.

В сенях скрипит дверь. Держась за косяк, входит Анна. Её поддерживает Председатель. С его помощью Анна добирается до стула, на котором сидел «Левша». Садится. Из левого плеча у неё течёт кровь.

АННА. Спасибо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Не за что. Ты – мой помощник. Я не могу себе позволить разбрасываться кадрами.

АННА. Где ты так научился кидать монтажку?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ты забыла? Я водитель. С этими штуками я управляюсь гораздо лучше, чем с этим (*Кивает на пистолет у себя на бедре*).

АННА. Тогда интересно – кто из нас его грохнул?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А это важно?

АННА. Не знаю. Нет, наверное. В таких случаях результат значит больше первенства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вот и я о том. (*Замечает Того-Кто-Слушал-Спящих*). Так...

АННА. Я как раз хотела доложить. По всей форме.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ничего. Можно вольно. Кто это?

АННА. А вы не знаете? Благодаря ему, между прочим, у вас нет триппера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это скорее его заслуга, чем причина смерти.

АННА. Он был Поджигатель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вина доказана?

АННА. (*Усмехается*). Сам сознался, шеф. В любом случае, если поджоги не прекратятся, можете подать на меня в суд.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Здорово... Анна?

АННА. Да?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Ты как?

АННА. Наконец-то хороший вопрос. Знаете, между прочим – первый за весь день. И, по-моему, за всё время, что я здесь нахожусь. Это при условии, что он – искренний.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Искренний.

АННА. Тогда – неважно. Даже если не считать спалённых волос, сгоревшей одежды, чудесного избавления от огня и выигранных ордалий с самым чокнутым стрелком деревни. Неважно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что думаешь делать?

АННА. Второй хороший вопрос. А вы в ударе, председатель. Вам надо почаще кидать монтажку.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Возможно, мне ещё представится случай. И всё-таки?

АННА. Думаю, мне пора отсюда. Хорош.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что, вот так просто – пора, и всё?

АННА. Если бы, председатель... Полагаю, что мне предстоит убедить охраняющих выезды стрелков, что я не имею ни малейшего отношения к выстрелам и пламени в моём доме, что это не я, а кто-то похожая на меня только что маячила посреди улицы вместе с Левшой, что я просто нашла один из револьверов председателя, и что я с опалённой мордой собралась одна, без охраны, по грибы, или за побегами молодого хвоща. Здорово?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я бы сказал, забавно. А если рядом с тобой, как уже было сказано, буду я? Помнится, ты обещала обдумать и такой вариант...

АННА. И в самом деле, председатель. Простите дважды.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Почему дважды?

АННА. Потому что я обманула вас. Во-первых, с тех пор как вы ушли, у меня не было ни единой свободной минутки, чтобы собраться с мыслями. А во-вторых, мне вообще не нужна никакая свободная минутка. Мои слова – чистое кокетство, председатель. Конечно, я согласна.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тогда пошли?

АННА. Только я хочу, чтобы всё было ясно. Я не хочу с вами семьёй, председатель. Я вас не люблю. Вы мне просто нравитесь. Правда, настолько, что я смогла бы, наверное, и умереть рядом с вами...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это самое главное. Остальное приложится. Но даже, если и не приложится, я хочу, чтобы ты знала, Анна: ты – это здорово. Это настолько здорово, что мне тоже неплохо будет умереть, зная, что со мной рядом лежит такая классная женщина, как ты.

АННА. Обалдеть. Вас бы в кино снимать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В том-то и дело, что мы все слишком много смотрим телевизор. Как я уже говорил...

АННА. ...он разрушает личность. Хорошо, председатель. Обещаю его больше не смотреть. Давайте уже пойдём, пока у меня не отнялись ноги от усталости. Или пока сюда кто-нибудь не заявился, и не разрушил нашу личность почище телека.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Согласен. *(Вынимает горсть патронов из патронташа на поясе)*. Зарядись.

АННА. О, благодарю!

Анна и председатель делают пару шагов к двери, и в окна со всех сторон ударяют выстрелы. Летят стёкла. Со двора и улицы слышны голоса стрелков.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Чёрт! Мне кажется, или я слышу голос «Левши»?

АННА. *(Становится сбоку окна, аккуратно прицеливается, стреляет)*. Точно! Это был он. У него, кстати, из спины торчала ваша монтажка, председатель. Видимо, гавно не только не тонет, но и сложно умирает. Но, по-моему, на этот раз я его достала. По крайней мере, он больше не встаёт.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. И что теперь? Сколько их?

АННА. А вы не хотите помочь бедной женщине? *(Стреляет)*. Идите сюда и считайте. С этой, стороны, мне кажется, основные силы!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. *(Занимает позицию у окна напротив)*. А мне кажется – с этой... *(Стреляет)*. В любом случае, наш исход начался, Анна.

АННА. Исход? Больше похоже на круговую оборону... правда, я могу заблуждаться. Я не служила в армии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я тоже. У меня плоскостопие.

АННА. Главное – чтобы не близорукость. *(Стреляет)*.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У меня есть идея... (Идёт к двери).

АННА. Ты куда?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. (*Кричит снаружи дома*). Именем Закона!

АННА. Идиот... почему это всегда так происходит, а?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. (*Снаружи*). Эта женщина – под охраной Закона и Кодекса!

Она – стрелок! Таковой её признал один из вас! Всё, что она сделала – она сделала по моему приказу!

АННА. Ну, надо ему было, а? Теперь точно живой не выпустят...

Снаружи раздаётся несколько выстрелов. Анна обречённо сползает по стене вниз.

АННА. Закон... порядок...

Шальная пуля разбивает остаток стекла в окне. Анна зажмуривается, когда на неё падают осколки.

АННА. Нет закона. Кончился. Последние попытки его ввести были, наверно, в каменном веке. А потом все плюнули, и предоставили событиям развиваться, как им нравится. Вот и всё. И главное... а что главное, блин? А... главное – чтобы было интересно и весело. Кому – неважно. За счёт кого – неважно. Вот и всё. Вот и всё. Ну, давайте. Давайте развлекаться. Мне, кстати, даже понравилось. Всё начинает нравиться, рано или поздно. Не самый кислый вариант добраться до конца дороги. (*Кричит в окно*). Правильно?! Так что – let's play!

Анна садится так, чтобы держать под прицелом оба окна и дверь. Снаружи снова потянулся дым. Дым постепенно заволакивает всю комнату.

АННА. Интересно, как они собираются стрелять в меня, если здесь ни черта не видно? А снаружи дыма ещё больше... и это идея. Это, мать её, охренительная идея...

Из-за дыма по-прежнему ничего не видно. Но снаружи дома вспыхивает стрельба, она становится тише и глуше, сначала стреляющих много, затем выстрелы становятся реже.

А потом приходит звук лошадиных копыт. Он удаляется. Вслед ему удаляется ещё несколько таких же.

Звучат выстрелы. Выстрелы в этих местах – это, чёрт возьми, самое главное.

К о н е ц.

09.08.04-12.08.04г.

Юрий Клавдиев.